

Дун Линь, в тайной долине.

Альянс Чу Бэй Цзе и Пин Тин поднял павший моральный дух. После окончания военного совета у каждого генерала, когда они вышли из палатки, казалось, появилась новая цель. Словно их шаги стали намного легче.

Но в то же время все понимали, что рискуют. Стратегии герцога Чжэнь-Бэя и Пин Тин были смелыми и опасными. Но в них не было ни малейшего просчета.

После того, как обсуждение закончилось, Чу Бэй Цзе вытащил Пин Тин из толпы, направляющейся за пределы палатки.

- Почему советник Бай не осталась после того, как проявила сейчас при мне, главном советнике, такой талант?

Пин Тин повернулась и улыбнулась:

- Герцог, не забывай нашу ставку. Пин Тин победила, поэтому герцогу не разрешено касаться рук Пин Тин десять дней.

Глаза Чу Бэй Цзе внезапно вспыхнули, не колеблясь он вытащил меч «Божественную душу» со своей галии и передал его Пин Тин:

- Пин Тин могла бы с тем же успехом нанести мне десять ран, заменив обещанные десять дней.

Пин Тин была застигнута сверканием меча врасплох. Она поспешно вложила меч в ножны, нахмурившись:

- Отчаянные меры герцога не сработают. Ты первым спровоцировал Пин Тин, уже имея скрытую карту Цежоу. Твое намерение проверить меня совершенно очевидно. Что, если Пин Тин не смогла бы ответить, совершенно опозорив себя?

Чу Бэй Цзе понизил голос:

- Это ли не отчаянная мера. Не имея возможности коснуться твоей руки в течение десяти дней, особенно когда ты прямо передо мной, более болезненно, чем десять порезов мечом. Тоска горька, боль, что исходит изнутри. Я бы скорее воспользовался легким путем, честно и

прямо, – его красивое лицо было серьезным.

Сердце Пин Тин дрогнуло от его слов. Она опустила голову. Прошло довольно много времени, прежде чем она едва слышным шопотом сказала:

– Даже если обещание десяти дней будет отменено, герцог не должен касаться рук Пин Тин каждый день в любой момент, – она задумалась на мгновение, не в силах скрыть свой сердитый румянец, и нахмурилась: – Герцог был слишком агрессивен, заставив Пин Тин сделать эту ставку. Нет, Пин Тин обязана вернуть эту ненависть, – ее энергичные глаза слегка поднялись, глядя как нежно, так и сердито, когда она посмотрела на него.

Чу Бэй Цзе увидев это нежное очаровательное выражение, улыбнулся и прошептал:

– Скажи мне, куда ты собралась.

При этом вопросе лицо Пин Тин слегка потускнело. Она тихо сказала:

– Я должна найти гениального доктора Хо. Цзуй Цзюй... – она тихо вздохнула, ее глаза уже покраснели от подступающих слез.

Сердце Чу Бэй Цзе внезапно охватила боль.

После их воссоединения, Пин Тин, казалось, хранила горькие воспоминания о прошлом, иногда упоминая об этом. Каждый раз, когда она это делала, она произносила только несколько слов за раз, не желая подробно все описывать.

Тем не менее он глубоко понимал, что ущерб от взлетов и падений еще не зажил. Смерть Цзуй Цзюй нанесла еще один удар по Пин Тин.

Что же в том году случилось в ледяных заснеженных горах Сунсэнь, вызвавших такую трагедию?

Был ли их ребенок тоже похоронен под этой массой белого снега?

Но он не посмел спросить Пин Тин, действительно ли их бедный ребенок умер или нет. Для Пин Тин, это должно быть было невыносимой болью.

– Я пойду с тобой, – Чу Бэй Цзе крепко ухватился за руку Пин Тин.

Пин Тин медленно покачала головой:

- Прости меня, герцог. Пин Тин хотела бы одна поговорить с учителем Цзуй Цзюй.

- Пин Тин...

- Если отныне... Пин Тин действительно будет нуждаться в чем-то, - Пин Тин подняла голову, ее ресницы неуверенно поднялись, когда она посмотрела на Чу Бэй Цзе: - Герцог определенно будет рядом с Пин Тин, верно?

Чу Бэй Цзе беззащитно дернулся под ее нежным, жалобным взглядом. Его героическая храбрость, казалось, истощилась, когда он торжественно пообещал:

- Определенно.

Пин Тин улыбнулась. Она осторожно вытянула мизинец из ладони Чу Бэй Цзе, зацепив его вокруг своего. Затем она повернулась, чтобы уйти.

Чу Бэй Цзе стоял и смотрел, как она покидает палатку. Когда его настроение улеглось, он внезапно почувствовал странное ощущение, что за ним следят.

Он не был обычным человеком. Когда он понял, что за ним кто-то наблюдает, настороженность внезапно вернулась в его сердце. Он обернулся, усмехнулся и, разведя руками, беспомощно сказал:

- Если невестка хочет посмеяться, вперед. Как говорится, всегда есть одна победа над другой. Я никогда не мог ничего сделать, когда дело доходило до Бай Пин Тин.

Все генералы уже покинули палатку, но императрица осталась позади, откинувшись на стуле. В ее улыбке слышался смех:

- Герцог Чжэнь-Бэй слишком скромн. Эта отчаянная мера поразила меня, весьма хороший выбор. Как ты мог сказать, что ничего не можешь сделать? Мягкость всегда была могилой героев, поэтому, возможно, любимые женщины, которые сопротивляются своим мужчинам, все будут похожи на герцога Чжэнь-Бэя, - ее взгляд медленно скользнул куда-то за дверь палатки. Он, казалось, смешавшись с ветром в небесах, мгновенно пролетел через тысячи километров, достигнув далекого места императорского дворца Дун Линя с его прежними яркими и роскошными видами.

Она подумала о первом классе вине, еде и центральном зале, украшенном золотом. Теперь это все казалось иллюзией.

Она много лет сопровождала императора, но только сейчас глубоко поняла, что она ощутила в последний раз, когда они расстались.

Она была не только императрицей Дун Линя, но и женой того мужчины.

После того как последний из императорского дома Дун Линя ушел в мир иной на ее глазах, она поняла, что заставило ее вспомнить, чувства между ним и ней.

Дун Линь уже не был важен, императорский дом тоже не был важен, и они уже не были императором и императрицей.

Только мужем и женой, ей и им.

Из-за соблюдения добродетельных обычаев она часто неудержимо хотела, чтобы от сжал ее в объятиях, и обнять его в ответ. Но думая о своем титуле императрицы, она сдерживала желание дать волю своей любви.

- Невестка?

- Э? - пробормотала императрица и, внезапно придя в себя, позвала: - Герцог Чжэнь-Бэй, пожалуйста, подойди ко мне.

Чу Бэй Цзе сделал два шага, садясь рядом с ней.

- Планируешь ли ты включить солдат Дун Линя в состав армии Тин? - спросила императрица Дун Линя.

Чу Бэй Цзе изначально намеревался сделать это ясным для своей невестки. Он откровенно кивнул и сказал:

- Да.

- Армия Тин... - императрица Дун Линя тянула слова, словно пробовала их во рту и с горечью улыбнулась: - В тот день император сказал, что герцог Чжэнь-Бэй слишком искренен для мужчины и не очень-то подходит, чтобы жить в бессердечном императорском доме. Он беспокоился об этом больше всего, и теперь я не совсем понимаю, волноваться или радоваться нынешнему настроению герцога Чжэнь-Бэя. В конце концов, без огромной любви к Бай Пин Тин, с чего бы герцогу Чжэнь-Бэю волшебным образом создавать армию Тин, желая противостоять Хэ Ся? - она изменила тему и спросила: - Я хочу подтвердить этот вопрос. Предположим, что солдаты Дун Линя войдут в армию Тин... Если армия Тин вдруг выиграет в будущем, герцог Чжэнь-Бэй обретет большую силу, но что будет с судьбой Дун Линя? Что насчет императорского дома Дун Линя?

Чу Бэй Цзе стиснув зубы замолчал на мгновение:

- Честно говоря, невестка, я создам новую страну с новым именем.

- Тогда Дун Линь...

- Дун Линь уже отошел в прошлое. Я делаю это не ради Дун Линя, но чтобы дать Пин Тин спокойный мир, в котором можно жить. Если Дун Линь получит после этого всю славу, как тогда урегулировать возникший хаос, тогда это будет официально означать, что Дун Линь завоевал три другие страны. Чем это будет отличаться от того что делает Хэ Ся? Остальные три страны будут тайно хранить гнев в своем сердце, ожидая подходящего времени для нападения. На свете никогда не будет истинного мира, - глаза Чу Бэй Цзе были полны решимости, когда он торжественно добавил: - Это мое обещание Пин Тин, и оно навсегда останется неизменным.

Взгляд императрицы Дун Линя внезапно сместился, изучая Чу Бэй Цзе.

Чу Бэй Цзе не пытался избежать ее взгляда и слабо добавил:

- Если невестка сердится, не стесняйся наказать Чу Бэй Цзе, но мое решение уже принято.

Императрица Дун Линя внимательно изучала его в течение долгого времени, пока ее резкое выражение постепенно не исчезло и она беспомощно сказала:

- Основополагающими корнями страны всегда был ее народ, правильно?

- Невестка? - Чу Бэй Цзе был потрясен.

- Где ты можешь найти стену, не пропускающую ветра? Разговор между принцессой Яо Тянь и герцогом Чжэнь-Бэй перед войной в Юнь Чане был на слуху у многих людей. Императрица Дун Линя криво улыбнулась, погрузившись в воспоминания. - Когда императорский дворец был сожжен, я не могла сдержать удивления, ведь так выглядел мой Дун Линь, когда он был впервые основан. Возможно, был создан какой-то союз, люди в котором, не колеблясь, пролили кровь, чтобы они могли, наконец, увидеть как их жены и дети, каждый день счастливо проживают свою жизнь, верно?

Почему после сотен лет страна выгравирована в сердце, но ее люди были забыты?

Сотни и десятки тысяч людей, сотни и десятки тысяч смертей, все было связано с этим.

Медленный взгляд императрицы Дун Линя пробежал по лицу Чу Бэй Цзе. Она вздохнула, внезапно приняв решение.

- Пока страна важна, что плохого в том, чтобы думать, что жизнь бесполезна? Если жители не проживают свою жизнь в мире - это означает гибель страны. Герцог Чжэнь-Бэй, просто делай

то, что собирался.

Чу Бэй Цзе не ожидал, что императрица сделает свой выбор. Он резко встал и, опустившись на одно колено, произнес:

- Я навсегда запомню благодать невестки, - он не ожидал, что самое трудное препятствие будет преодолено так легко.

- Иди. Успокой хаос, чтобы жизни людей больше не топтали, верни спокойствие в этот мир, - губы императрицы Дун Линя изогнулись в слабой улыбке, но в ней был след тоски. - Простолюдины или императорская семья, все хотят того же. Как люди, которые имели честь родиться людьми, мы все должны знать, что наша жизнь драгоценна и должны понимать, что мы не должны быть растоптаны кем-то словно муравьи.

Герцог Чжэнь-Бэй создаст новую огромную империю.

Необъятность этой империи не будет исходить от его войск. Каждый человек в стране будет знать, как уважать, а не принижать себя.

Они не будут видеть друг друга в качестве чьих-то марионеток или инструментов.

Их никогда не заставят идти на поле боя.

Когда замаячит угроза войны, они смогут сами выбрать, хотят ли они сражаться, чтобы защитить свое будущее, как сегодняшняя армия Тин.

И если их красная кровь прольется на поле битвы, этот клочок земли, залитый кровью, зарастет в будущем самой зеленой травой.

- Бай Пин Тин, - императрица Дун Линя подняла голову, посылая вздох к небесам. - Удивительная Бай Пин Тин.

Гуй Лэ, шелестящие сумерки.

Для обитателей Холодного дворца больше не было мягкого аромата, нравившегося как пчелам, так и бабочкам.

Замок, не открываемый так давно, начал тихонько звенеть. Императрица Гуй Лэ, одетая в потрепанную одежду, медленно подняла голову. Она увидела величественную, но знакомую

фигуру.

Император Гуй Лэ, Хэ Су, прошел в дверь.

- Твой старший брат Лэ Чжэнь был повержен Фэй Чжао Сином. В страхе перед нападением армии Юнь Чана, он чтобы спастись увел ее остатки дальше от столицы.

Его тон был спокойным и на удивление не злым.

Императрица Гуй Лэ была в заключении в течение многих дней, так что она впервые услышала известия о своем брате. Она замолчала на мгновение, прежде чем холодно спросить:

- Император здесь, чтобы даровать мне смерть?

Хэ Су долгое время не издавал ни звука. Он подошел к жене и вытянул указательный палец, а затем, будто вернулось то время, когда он все еще был ласков, начал гладить ее похудевший подбородок.

- Императрица, ты не хочешь увидеть Шао'эра? - внезапно спросил Хэ Су.

Императрица Гуй Лэ встряхнулась, в недоумении посмотрев на него.

- Император... позволит мне увидеть Шао'эра? - в конце концов, ее сын был ее сердцем. Ее голос постепенно стих.

- Почему бы мне не позволить тебе? - он вздохнул, отвечая на другой вопрос.

Императрица знала, что умрет, скорее всего, от отравленного кинжала или вина. Она решила принять все, но не ожидала, что Хэ Су придет лично. Его слова и действия сильно отличались от ее воображения. Ее сердце не могло не смягчиться, поскольку они были женаты в течение стольких лет, в дополнение к упоминанию их сына. Ее лицо никак не могло сохранить холодность, прежде чем она опустила голову, тихо ответив:

- Я тайно раскрыла сведения о засаде императора, мой отец монополизировал власть, и мой брат бросил вызов императорскому указу, используя армию, он собирался пойти против императора. Обвинения, которые несет семья Лэ... достойны смертного приговора.

- Так императрица знает о своих преступлениях? - он подумал о нынешней ситуации с Гуй Лэ и не мог сдержать холодное хмыканье. Увидев, как голова императрицы опустилась в тишине, он снова вздохнул. - Поднимись, императрица. Я прощаю твои грехи. Тебе приказано вернуться в императорский дворец, как хозяйке гарема.

- Что? - императрица удивленно подняла голову.

Действия Лэ Чжэня, возглавившего войска в походе против столицы, ничем не отличались от метежа. Это являлось самым коварным преступлением против императорской власти, которое никогда не может быть прощено.

Но выражение Хэ Су ни малейшей степени не казалось шутливым.

Холодный дворец был особенно темным ночью. Фигура Хэ Су стояла перед дверью, так близко, но она ничего не могла увидеть в глубине его глаз. Казалось, он был далеко, оставив массу размытой тени.

Императрица подумала, что ее отношения с мужем уже были разрушены до непоправимого состояния. Она снова опустила голову, стиснув зубы:

- Император все равно должен убить меня. Я вышла замуж в императорский дом, когда мне было пятнадцать. Когда император поднялся на трон, я сразу же была коронована в качестве императрицы. Думая о нашей любви того времени, я не представляю, как сегодня мы закончили так. Все это стало совершенной, необратимой сделкой, поэтому, даже если император простит меня, я никогда больше не буду иметь лица, чтобы быть императрицей. Я действительно обо всем сожалею, ревность, заставившая меня послать кого-то предупредить Хэ Ся о засаде только из-за Бай Пин Тин. Даже если бы ее взяли в гарем, что имело значение до тех пор, пока император был счастлив? Ради одной женщины, Гуй Лэ впал в хаос, я... я действительно была глупа...

Ее плечи начали дрожать, когда она с плачем рухнула наземь.

Как будущая императрица, она была воспитана и всегда жила во дворце. Он был действительно единственным мужчиной, которого она хранила в своем сердце. В прошлом они в окружении слуг наслаждались вместе лучшими блюдами, ежедневно обсуждая разные дела, включая ее отца и брата. Но императрица все же должна была начать строить планы за кулисами, сознательно потакая своим собственным эгоистичным желанием.

С того момента, как ее красная одежда исчезла, и ее руки становились слишком ленивыми, чтобы расчесывать ее черные волосы, она вяло смотрела в Холодном дворце на проходящие облака, иногда вспоминая прошлое, часто самые банальные из вещей.

Она вспомнила, как впервые вступила во дворец принца, как впервые увидела Хэ Су, когда он медленно поднял в брачную ночь красную вуаль. Она вспомнила, как была возбуждена, когда любяще пробормотала в ухо Хэ Су о ее животе с его плотью и кровью. Она также вспомнила, как одевалась, чтобы получить печать императрицы перед толпой свидетелей.

Когда эта пара сделала шаг к такой национальной ненависти? Почему судьба, которой они должны были быть связаны на всю жизнь, постоянно путается или ранит тихой душевной

болью, в итоге не оставляя ничего позади?

Императрица плакала так сильно, что казалось, что ее внутренности порвутся. Она ощутила легкое прикосновение к плечам двух больших ладоней.

Императрица подняла лицо, покрытое слезами, когда Хэ Су поднял ее.

- Больше не плачь, императрица. Буду честен, Лэ Чжэнь тайно бежал с армией, оставив столицу пустой. Хэ Ся уже привел сюда армию Юнь Чана, полностью нас окружив.

Императрица была озадачена:

- Что? - она долго была заключена в тюрьму. Никто не осмелился передать ей внешние новости, поэтому она понятия не имела, что ситуация ухудшилась.

- Сила одного человека бессмысленна, когда известно, что поражение несомненно. Я предпочел бы не участвовать в этой битве. Завтра в это же время я открою ворота и лично вручу письмо о капитуляции Хэ Ся, - Хэ Су с горечью улыбнулся: - Столицы страны почти не стало, так почему бы мне не простить преступление предательства императрицы и премьер-министра?

Императрица услышала слова мужа, полные утрат и беспомощности. Его отношение сильно отличалось от его прежней холодной гордости, заставляя ее сердце болеть и сожалеть. Ее голос дрогнул:

- Если бы не мои ошибки, в Гуй Лэ не было бы гражданских беспорядков, а у императора была бы армия. Как мог Хэ Ся придти так легко? Я...

- Не говори больше, - оборвал ее слова Хэ Су, потом он произнес. - Горничные принесли одежду и украшения. Они ждут за дверью. Императрица должна одеться должным образом, как раньше. Прошло много времени с тех пор, как ты сопровождала меня, пока я пил вино. Сегодняшний день будет нашим, чтобы его не потревожили посторонние.

Императрица молча изучала Хэ Су, прежде чем, наконец, поклониться.

- Да.

Хэ Су повернулся, чтобы уйти. И действительно, служанки ждали снаружи. Как только император ушел, они всплыли, словно рыбы. Каждая держала поднос. На них лежали любимая одежда и аксессуары императрицы, даже румяна и пудра, в комплекте с цветными ладанками.

- Императрица, - толпа горничных послушно смотрела на вид давно отсутствующей

императрицы. Каждое лицо казалось мрачным от печали. Известие о купитуляции императора Хэ Ся распространилось по императорскому дворцу.

После того, как она искупалась и оделась, императрица аккуратно подвела брови. Она убедилась, что одета, как богиня, прежде чем отправиться в покои императора.

Хэ Су действительно приказал своим людям приготовить еду и вино. Он был по другую сторону занавески, пил, наблюдая за освещенным луной пейзажем.

Вид был прекрасен, блюда были горячими, а вино теплым. Подумав, что когда она все еще была заключена в Холодном дворце, это казалось сном. Она могла только вздохнуть о непредсказуемости жизни.

У двоих людей в головах были бесконечные мысли, пока они тихо сидели, опустошив несколько чашек. Он спросил:

- Почему императрица ничего не говорит?

- Я... - лицо императрицы, которое она нарисовала очень тонко, было весьма смущенным. - Я не знаю, что сказать.

Хэ Су тщательно оценил лицо жены и рассмеялся:

- Я вдруг подумал, что с тех пор, как я стал хозяином гарема, ты выглядишь сегодня красивее всего.

При такой похвале тяжелое сердце императрицы на мгновение поплыло, словно ее тело было гораздо легче белого тумана. Она легко поклонилась:

- Любой может видеть намного яснее, когда его сердце не отвлечено. Может, это потому, что сегодня мне совершенно не придется притворяться или что-то скрывать от императора.

- Хорошо сказано, - он поднял свою чашку: - Сегодняшняя императрица заставила меня вспомнить императрицу, которая впервые вошла во дворец принца. Время и правда летит, мы пробыли мужем и женой уже много лет, - его тон был таким же небрежным, как и все эти годы спустя.

На лице императрицы появилось удивление.

- Император... ты все еще помнишь, как я выглядела, когда впервые вошла во дворец принца?

- Как я мог забыть?

- Действительно... - императрица подняла руку, чтобы коснуться своих волос, и тихо спросила:
- Честно говоря, я тоже это помню.

Дворец принца, принц Хэ Су того времени.

Звучала радостная музыка, веселые шутки и восхитительный звук циня.

Компания молодых друзей с самого начала происходила из выдающихся семей Гуй Лэ. Они собирались, занимались фехтованием, играли на цине или обсуждали литературу, искусство или политику. Те, кто хотел хлопать, хлопали, а те, кто шутил, шутили. Ян Фэн всегда жила во дворце принца, а Хэ Ся и Пин Тин были его завсегдатаями.

Семье Лэ всегда отличалась строгим воспитанием. Она была наследной принцессой, поэтому ее личность отличалась от других. Она не могла смеяться и развлекаться с остальными, только опираться на тяжелую стену и слушать слабые звуки смеха, доносившиеся оттуда.

Однажды.

Император все время помнил.

Но помнил ли это принц-консорт Юнь Чана, Хэ Ся, главнокомандующий армии, сейчас окружившей столицу?

<http://tl.rulate.ru/book/8939/507165>